

Научная статья

УДК 27(59)

Для цитирования:

Семененко Д.С. Современное состояние христианства в Юго-Восточной Азии: проблемы и перспективы миссионерской деятельности // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2023. № 3 (22). С. 61–79.

DOI: 10.56621/27825884_2023_22_61

Семененко Дмитрий Сергеевич,

аспирант

Общecerковной аспирантуры и докторантуры
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия,
Российская Федерация, 115035, г. Москва,
ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1
semenenkods@yandex.ru

Современное состояние христианства в Юго-Восточной Азии: проблемы и перспективы миссионерской деятельности

Д.С. СЕМЕНЕНКО

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию положения христианства в Юго-Восточной Азии. В тексте проводится анализ исторических, социальных, геополитических, экономических, этнических, культурных и иных аспектов исследуемого региона. Кратко воспроизводится история христианизации региона в рамках основных направлений христианства. Отмечается роль миссионерских усилий Русской Православной Церкви в указанном регионе. Затрагивается феномен формирования мегацерквей в регионе. Основное исследовательское внимание сосредоточено на современном положении христианства в Юго-Восточной Азии. Значительное внимание уделяется и так называемому исламскому возрождению в регионе, а также особенностям взаимодействия христианства на данной территории с исламом и буддизмом. Анализируются основные проблемы и противоречия, препятствующие христианизации региона.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, Индонезия, Филиппины, Таиланд, Южная Корея, мегацерковь, Китайская миссия, Патриарший Экзархат Юго-Восточной Азии.

Регион Юго-Восточной Азии представляет собой уникальную во многих отношениях территорию, отличающуюся этническим

и религиозным разнообразием. В число государств Юго-Восточной Азии традиционно включают Бруней, Индонезию, Малайзию, Филиппины, Сингапур, Мьянму, Таиланд, Камбоджу, Лаос, Вьетнам и Восточный Тимор. Как и для многих государств Азии и Африки, для целого ряда стран данного региона процесс обретения независимости был связан с деколонизацией. Колониальное прошлое наложило своеобразный отпечаток на культурный облик государств Юго-Восточной Азии, что прослеживается среди прочего и в присутствии многочисленных христианских организаций в регионе. На сегодняшний день государства Юго-Восточной Азии весьма различаются как по своей политико-государственной форме, так и по доминирующим в местных сообществах религиозным традициям.

Любая попытка конструктивной оценки проблем и перспектив миссионерской деятельности в Юго-Восточной Азии должна исходить из понимания специфических характеристик, присущих государствам региона. Во внимание должны быть приняты несколько основных факторов, влияющих на современное состояние христианства на данной территории.

Во-первых, данный регион является одним из наиболее густонаселенных районов земного шара, в границах которого обнаруживается широкое этническое и культурное разнообразие. Многообразие религиозных верований местного населения представлено самыми различными историческими и новыми религиозными движениями, объединяющими в своей совокупности два миллиарда последователей. В Юго-Восточной Азии границы между этническими группами размыты, при этом существуют различия между национальной самоидентификацией и этническими классификациями, навязанными извне.

Во-вторых, во многих государствах присутствуют административно-политические барьеры на пути распространения новых религий, в частности христианства.

В-третьих, в отдельных государствах Юго-Восточной Азии наблюдается своеобразное исламское возрождение, связанное с обновлением социального интереса к исламу. Исламское возрождение весьма заметно в Малайзии и Южном Таиланде и набирает силу в Индонезии, которая стала крупнейшей мусульманской стра-

ной в мире. Кроме того, Бруней-Даруссалам по-прежнему является традиционным султанатом, придерживающимся государственной идеологии Малайского мусульманского королевства.

Исторически Юго-Восточная Азия располагалась вне географических границ первоначального распространения христианства, совпадающих с пределами Римской империи. Современный международный и политический порядок существования государств на данной территории является продуктом длительных исторических процессов, начавшихся с появления первых протогосударственных образований более двух тысяч лет назад. В основе современных политических структур региона лежат глубоко укоренившиеся геополитические силы, сформированные последовательной сменой этапов развития местных государств.

В Юго-Восточной Азии представлены как анимистические верования и связанные с ними ритуальные системы, так и традиционные религии. Индонезия, Бруней и Малайзия вместе имеют самое большое мусульманское население в мире. Большинство населения Мьянмы, Таиланда, Камбоджи и Лаоса придерживается буддизма Тхеравада, на Филиппинах большинство населения принадлежит к различным христианским конфессиям (католики, протестанты, англиканцы), а Сингапур и Вьетнам характеризуются множеством религиозных верований, свойственных тем или иным семейным и родственным линиям и часто пересекающихся, при этом довольно широко распространено конфуцианство¹.

Во второй половине XX века большую часть Юго-Восточной Азии охватило религиозное возрождение. В Таиланде религиозные организации, в первую очередь обращенные к среднему классу, проповедуют возвращение к буддийским ценностям. Яванская мистическая традиция оказала влияние на мусульманские братства и привела к созданию мистических движений. Правительство Сингапура активно распространяет конфуцианские ценности, при этом христианские идеи получили широкое распространение и нашли новых приверженцев в этой стране среди студентов и молодых работников.

¹ See: Nagata J. Ethnonationalism versus Religious Transnationalism: Nation-Building and Islam in Malaysia // *The Muslim World*. 1997. Vol. 87. Iss. 2. P. 129–150.

За последние три десятилетия экономический рост в Юго-Восточной Азии привел к материальному достатку и усилению связей местных сообществ с глобальным миром. Эти тенденции заложили условия для роста христианских Церквей в Малайзии, Таиланде, Вьетнаме, на Филиппинах, в Индонезии и Сингапуре. В этих странах наблюдается рост числа протестантов, пятидесятников и католиков, по мере того как их национальные экономики становятся все более тесно связанными с мировыми рынками. Действительно, рост среднего класса в этих государствах тесно связан с распространением указанных христианских вероисповеданий. Средний класс как носитель консервативных политических и культурных ценностей живо откликнулся на миссионерскую деятельность христианских организаций².

Усиление позиций христианства в регионе неизбежным образом меняет облик политической и культурной жизни местных сообществ, порождая новые проблемы совместного проживания лиц, исповедующих разные религиозные традиции в рамках одного государства. В некоторых странах Юго-Восточной Азии многообразие религиозной жизни является типичной чертой культурного и жизненного уклада, в то время как в других рост христианства может служить вызовом для гражданского мира и согласия. Политическая повестка дня ряда государств включает в себя вопросы взаимоотношений христианских общин и представителей других религий — как монотеистических, так и политеистических. Для правительств некоторых стран региона актуален и вопрос внезапно появляющихся новых христианских общин, отношение к которым можно охарактеризовать как подозрительное.

Специфика миссионерской активности разных христианских конфессий в последние десятилетия имеет следствием почти повсеместное доминирование в Юго-Восточной Азии протестантских общин. Протестантизм — самая быстрорастущая религия в странах данного региона. Довольно малочисленные на рубеже XX века «некатолические» христиане выросли более чем до 9% населения в Индонезии, почти до 14% на Филиппинах, более 4% в Малайзии

² See: Van V.H. From the Belief of the Immortality of the Soul, the Blessing or the Harassing of the Soul towards People to the Worship of the Souls of Vietnamese People // Asian Social Science. 2020. № 16 (3). P. 15.

и почти до 15% в Сингапуре. Это эквивалентно почти сорока миллионам христиан в регионе, который традиционно характеризуется этническим и религиозным разнообразием, а в случае целого ряда азиатских государств — мусульманским большинством³.

Обратимся к истории христианизации региона. Христианство в Юго-Восточной Азии пережило три отчетливые волны роста: поздний колониальный период, период холодной войны и современный период. Возникшее не ранее III века церковное предание связывает начало христианской проповеди в регионе с именем апостола Фомы. В течение последующих веков христианство распространялось с различной степенью интенсивности. Особенно показательным является период деятельности католиков и протестантов, обусловленный колонизацией Азиатского региона.

Последняя колониальная волна пришлась на начало XX века и ознаменовалась ростом азиатских христианских миссий и евангельских движений, которые осознали необходимость модернизации местных сообществ. Колонизация открыла западные знания и культурные практики как элементы современной европейской цивилизации, и жители Юго-Восточной Азии адаптировали и внедрились многие из них.

Особое внимание следует уделить вкладу Русской Православной Церкви в дело христианизации региона. В стремлении к исполнению заповеди Иисуса Христа о проповеди всему миру (см.: Мф. 28:19–20) русские православные миссионеры исторически неоднократно обращались с проповедью к разным народам Сибири, Дальнего Востока, а затем Китая, Японии, Северной Америки.

Именно поэтому история Русской Православной Церкви отмечена учреждением многих миссий — как внутренних (Иркутская, Алтайская, Даурская, Забайкальская, Енисейская, Чукотская, Камчатская, Семипалатинская, Киргизская и др.), так и зарубежных (Китайская, Корейская, Японская, Урмийская, Американская). При этом основной целью православной миссии была не культурная ассимиляция других народов через навязывание «русского» православия, а передача чистого послания Господа нашего

³ See: Chupungco A.J. The Filipino Catholics and their life of worship and prayer. Popular religiosity among Filipino Catholics // Docete. 2004. № 26. P. 24.

Иисуса Христа, помощь в организации православных общин, в которых со всей полнотой осуществлялись бы таинства Церкви. Православные миссионеры стремились к тому, чтобы воспринявшие проповедь народы вошли в единое Тело Христово как равные через воцерковление собственной культуры и привнесение собственных культурных традиций в Церковь.

Не было целью миссии и расширение канонической территории или административное доминирование Русской Православной Церкви. Подтверждением этого является тот факт, что, по мере налаживания церковной жизни среди просвещенных миссией народов, Русская Православная Церковь не препятствовала обретению ими независимости. Результатом деятельности миссий Русской Православной Церкви стало возникновение самостоятельных автокефальных и автономных Церквей: так, благодаря усилиям Американской (Кадьякской) миссии появилась Православная Церковь в Америке, получившая автокефалию от Московского Патриархата в 1970 году; плодом Японской миссии стала Японская Православная Церковь, с 1970 года имеющая полную автономию от Русской Православной Церкви в делах своего внутреннего управления; Китайская (Пекинская) миссия положила начало Китайской Православной Церкви, также являющейся автономной с 1956 года.

Именно Китайской миссии принадлежит заслуга в том числе по христианизации Юго-Восточной Азии. Первые православные приходы, появившиеся в 1930-х годах в Индонезии и на Филиппинах, стали результатом деятельности православных миссионеров из Китая. Нельзя не отметить и значительный вклад святителя Иоанна Шанхайского, посещавшего Филиппины и Вьетнам в 1949 году⁴. Хотя изначально многие православные приходы в Юго-Восточной Азии создавались русскими миссионерами для окормления соотечественников, в скором времени они стали духовным убежищем и для местных жителей, уверовавших во Христа. И все же следует отметить, что в советское время (вплоть до конца 1980-х годов) Русская Православная Церковь не имела возможности развернуть масштабную миссионерскую деятельность в регионе.

⁴ См.: Православие в Юго-Восточной Азии // Официальный сайт Патриаршего Экзархата Юго-Восточной Азии. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.exarchate.asia/patriarshij-ekzarhat/istoriya-ekzarhata/> (дата обращения: 30.01.2023). Загл. с экрана.

Вторая волна активной христианизации Юго-Восточной Азии пришлось на период холодной войны, когда американские секты — евангелические движения — в разгар геополитической напряженности активизировали миссионерские усилия, проложив путь к появлению в регионе так называемых мегацерквей. За два десятилетия после Второй мировой войны деколонизация, восстановление экономики и экономическое влияние США изменили облик Юго-Восточной Азии. Были созданы новые национальные государства, первым из которых в 1946 году оказались Филиппины. Индонезия последовала тем же путем после кратковременной революции против голландцев в 1949 году. Несколько этапов формирования прошла Малайзия, образованная после подавления коммунистического восстания в 1957 году и объединившая в 1963 году малайские штаты Сабах, Саравак и Сингапур. Наконец, Сингапур отделился от Малайзии в 1965 году⁵.

К тому времени были четко очерчены линии разлома времен холодной войны. Американцы вторглись во Вьетнам после поражения французских колониальных войск в Первой Индокитайской войне. Таиланд, Индонезия, Малайзия, Филиппины и Сингапур были втянуты в орбиту американского политического влияния и в 1967 году образовали Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Третья волна христианизации региона — это современный период, в котором проблемы миссионерской деятельности в Юго-Восточной Азии преодолеваются благодаря активизации внутриазиатских христианских связей. На рубеже XXI века независимые протестантские мегацеркви, имевшие растущее влияние на городскую молодежь, осуществляли успешную миссионерскую деятельность в Малайзии, Индонезии, Сингапуре и на Филиппинах. Многие лидеры мегацерквей стали яркими общественными лидерами на национальной и международной арене, обладающими волей и властью влиять на политические, социальные и религиозные тенденции.

Нельзя не выделить и тот факт, что период 1990—2000 годов был отмечен активизацией православного присутствия в регионе.

⁵ See: Sadan M. Religion, identity and separatism // Burma / Myanmar: Where Now? Copenhagen, 2014. P. 53.

Большую роль в этом сыграл Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, в то время занимавший должность председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. В результате его архипастырских визитов в упомянутый период времени в Китай, Корею, Вьетнам, Таиланд, Камбоджу, на Филиппины, в Малайзию, Индонезию, Сингапур в Юго-Восточной Азии появился ряд новых приходов Русской Православной Церкви, стала налаживаться церковная жизнь. Получила развитие и структура церковного управления. Как свидетельствует официальный сайт Патриаршего Экзархата Юго-Восточной Азии, «в 2007 году архипастырское попечение об Успенском приходе в Сингапуре было поручено епископу Уссурийскому Сергию, викарию Владивостокской епархии, и с тех пор служение владыки Сергия связано с устройением церковной жизни в Юго-Восточной Азии. В 2016 году он стал управляющим приходами Московского Патриархата во Вьетнаме, Индонезии, Камбодже, Лаосе, Малайзии, Сингапуре, на Филиппинах, в КНДР и Республике Корея.

Значительные успехи осуществляемой под его руководством миссии в странах Юго-Восточной Азии привели к умножению числа храмов и общин, появлению духовенства из числа местного населения, повышению интереса к русскому православию, а также, в связи с увеличением русскоязычного населения, в 2018 году был образован Патриарший Экзархат Юго-Восточной Азии с центром в Сингапуре, ставший правопреемником существовавшего с 1946 по 1956 год Восточноазиатского Экзархата Русской Православной Церкви.

Главой образованного экзархата стал владыка Сергей, возведенный в сан митрополита Сингапурского и Юго-Восточно-Азиатского.

Сегодня священнослужители экзархата объединены в четыре епархии (Сингапурскую, Корейскую, Таиландскую и Филиппинско-Вьетнамскую) и несут свое служение в 13 странах и пяти часовых поясах. На сегодняшний день в экзархате трудится 66 клириков, служащих на 76 приходах и духовно окормляющих десятки тысяч прихожан. Большая часть общин состоит из местных жителей, российские соотечественники составляют около 20%»⁶.

⁶ Православие в Юго-Восточной Азии...

На сегодняшний день на приходах экзархата ведется активная социальная и просветительская работа. С целью формирования самобытной православной традиции в регионе уделяется особое внимание подготовке священников из представителей местного населения — в частности, семинаристов из стран Юго-Восточной Азии направляют на учебу в духовные школы России.

Говоря о современном положении католицизма и протестантизма в регионе, можно отметить, что с 2010-х годов в странах с мусульманским большинством, таких как Малайзия и Индонезия, усиление роли ислама привело к обострению межрелигиозных и этнических разногласий, а противодействие христианской миссионерской деятельности в последние годы принимало все более жестокие формы⁷. Даже в многоконфессиональном Сингапуре были выражены опасения по поводу усилившейся христианизации региона. В настоящее время мегацеркви сталкиваются с необходимостью корректирования стратегий роста для сохранения безопасного социального положения. Миссионерские усилия часто ориентированы на города, акцентированы на маргинальных и уязвимых городских группах, чьи меняющиеся потребности не удовлетворяются традиционными религиозными движениями. В Юго-Восточной Азии наиболее быстрорастущими ветвями, способствующими экспоненциальному росту христианских общин, являются пятидесятнические и харизматические движения. Однако следует отметить использование упомянутыми движениями обманных приемов миссионерства, таких как ложные духовные откровения, свидетельства об «исцелениях», провозглашение идеи всеобщего священства верующих, особенно среди самых бедных слоев населения, отличающихся особой религиозностью. В Азии, которая остается одним из самых нуждающихся и вместе с тем наименее евангелизированных регионов мира, протестантские движения «паразитируют» на различных чудесах, идее освобождения и обещании Божественной помощи, что привлекает бедные и социально маргинализированные слои. Следовательно, за последние несколько десятилетий массовые движения харизматического

⁷ See: Neo J.L. Malay Nationalism, Islamic Supremacy and the Constitutional Bargain in the Multi-Ethnic Composition of Malaysia // International Journal on Minority and Group Rights. 2006. № 13 (1). P. 96.

толка охватили Индонезию, Вьетнам, Таиланд, Мьянму, Борнео (Малайзию), Китай, Южную Корею и Камбоджу⁸.

Южная Корея на протяжении длительного периода времени выступала в русле политики США по сдерживанию коммунизма, и обещание религиозной свободы стало главной причиной, по которой христианские лидеры, многие из которых были изгнанниками с коммунистического Севера, в конечном итоге поддержали раздел полуострова в 1948 году. Многие из них посвятили себя распространению Евангелия. В Южной Корее, как и в Сингапуре, а также среди китайской диаспоры по всей Юго-Восточной Азии, позиции римско-католических и протестантских общин были усилены их антикоммунистической деятельностью. Количество новообращенных быстро росло, и в XXI веке уже около 30% корейцев считают себя христианами, и это затмевает по численности другую основную религию — буддизм⁹.

Такой рост протестантизма и католицизма более не имеет аналогов в Азии. Это следует понимать в контексте популярности упомянутых антикоммунистических идей, но также и с учетом мировоззрения нации, в котором нашлось место христианским ценностям; оно было сформулировано политическими лидерами, многие из которых уже были христианами, и это поощряло их личное служение обществу.

В Южной Корее мегацеркви, возникшие в контексте массового евангелизма, активно участвовали в государственном строительстве, распространяли образование и способствовали налаживанию деловых связей. При этом некоторые харизматические и пятидесятнические движения (наиболее известное из них — «Церковь полного Евангелия Йойдо») разработали молитвенные практики, якобы гарантирующие здоровье, благополучие и процветание, то есть обращались к самым проблемным социальным вопросам, обещая их быстрое решение. В настоящее время такие крупные харизматические движения проводят в жизнь обширные

⁸ See: Cornelio J.S. Popular religion and the turn to everyday authenticity reflections on the contemporary study of Philippine // Catholicism. Philippine Studies: Historical&Ethnographic Viewpoints. 2014. № 62. P. 475.

⁹ See: Flaherty R.P. Korean millennial movements // The Oxford handbook of millennialism. Oxford, 2011. P. 306.

социальные и образовательные программы, это является частью их миссионерской деятельности. Как и в случае с Сингапуром, эти ориентированные на успешный бизнес секты поддерживают и поощряют обширное зарубежное миссионерское движение в Южной Корее, которое входит в число крупнейших в мире¹⁰.

Одной из возможных причин отсутствия бурного численного роста протестантов и католиков в других странах Юго-Восточной Азии может являться факт того, что исторически массовые обращения в христианство происходили только в обществах, не исповедующих ни одну из других мировых религий. Рост христианизации, как правило, возникал в условиях, когда основной формой религии были местные религиозные культы и верования. Кроме того, в большинстве случаев католицизм и протестантизм существовали одновременно с западным колониализмом, что также подрывало их авторитет в глазах многих местных жителей. Давнее предубеждение против миссионерского движения и стереотип о нем как о колониальном и западном предприятии могут препятствовать и современным формам миссии. Это также может поставить под угрозу долгосрочные усилия по построению и поддержанию гармоничных межрелигиозных отношений.

В Южной Корее и на Филиппинах протестантизм сыграл важную роль в движениях за демократизацию, которые в конечном итоге свергли правительства, поддерживаемые военными. С 1970-х годов радикальные корейские движения, находящиеся под влиянием теологии Минджунга, направленной на гуманизацию и освобождение, бросили вызов авторитаризму, пропагандируя доктрину прав человека и гражданских свобод. Тем не менее именно христианские богословы и духовенство (протестантское и католическое) сыграли видную роль в лейбористском движении и движении за демократизацию.

Христианство иногда помогало национальным и этническим меньшинствам региона сформировать идентичность в современном мире, сохраняя их язык с помощью перевода Библии и поощряя их думать о себе как об избранном народе, подобном израильтянам.

¹⁰ See: Le V.H. Reconizing traditional collective identity for improving the quality of learning in Vietnamese higher education // International Journal of Research in Social Sciences. 2014. Vol. 4. № 8. P. 42–47.

В частности, как только христианство снова было разрешено в Китае, некоторые группы меньшинств, такие как лису в провинции Юньнань, которые были евангелизированы Китайской внутренней миссией до 1949 года, даже заявили, что христианство является признаком их этнической идентичности. Народ лису разделен нынешними границами между Китаем и Мьянмой, где он также признан меньшинством. В Мьянме, а также в Камбодже, Лаосе и Таиланде христиане в основном принадлежат к этническим меньшинствам среди большинства последователей буддийских обществ Тхеравады. Большинство бирманского населения Мьянмы веками сопротивлялось попыткам католиков и протестантов евангелизировать его. Поэтому утверждение особой христианской идентичности некоторыми меньшинствами было воспринято бирманцами как угроза. Ведь они использовали буддизм для обоснования национальной идентичности. Несмотря на международные протесты, бирманские власти притесняют другие религии, в том числе христиан, проводя политику дезинформации, дискриминации и жестоких преследований.

Аналогичная ситуация сложилась в Таиланде. Тайцы отличаются тем, что являются единственной нацией в Юго-Восточной Азии, которая никогда не подчинялась колониальному правлению, при этом этническая принадлежность к тайцам является синонимом исповедания буддизма. Большинство местных христиан (менее 2% населения) не являются тайцами по происхождению. Некоторые из них принадлежат к племенным меньшинствам, другие являются китайцами или вьетнамцами. Однако в настоящее время растет число православных христиан и из числа местного тайского населения.

В Малайзии большинство малайского населения определяет себя как мусульман, поэтому христианская миссия среди малайцев запрещена. Христиане, которые составляют около 9% от общей численности населения страны, принадлежат к другим крупным этническим общинам: китайцам, индийцам, европейцам и коренным народам, населявшим эти территории до малайской миграции. Коренные народы составляют крошечное меньшинство в полуостровной (Западной) Малайзии, но являются большинством (две трети) в Восточной Малайзии — отдельной территории на острове Борнео. Местные христианские общины, как правило, организованы по этническому и языковому признаку. Малазийские христиане

сталкиваются с особой проблемой преодоления этнических различий и выражения веры на малайском языке: законы, защищающие малайцев от обращения из ислама в иные религии, запрещают в том числе и перевод Библии на малайский язык, и использование христианами слова «Аллах» вместо «Бог»¹¹. Впрочем, последнее можно оценивать и с положительной стороны как фактор, подчеркивающий христианскую языковую идентичность.

Одной из положительных черт региона в контексте организации миссии является то обстоятельство, что в значительном количестве государств Юго-Восточной Азии стремительные процессы модернизации второй половины XX — начала XXI века не стали безусловным фактором интенсивной секуляризации общества, как это имеет место на современном Западе. Результаты модернизации (особенно в сфере религии) на этой территории сильно отличаются от результатов на Западе. Юго-Восточная Азия смогла изменить до неузнаваемости классический тезис о том, что модернизация ведет к секуляризации с точки зрения потери институционального статуса религии и краха ее авторитета в эпоху науки.

Также положительным фактором для организации миссии в регионе может стать относительно низкий уровень распространения христианской религии в отдельных странах. В Юго-Восточной Азии проживает примерно два миллиарда человек, менее 5% из которых исповедуют христианство. Юго-Восточная Азия все еще остается одним из наименее христианизированных регионов планеты. Примером интенсивной христианизации в наши дни может служить ситуация с жителями Южной Кореи, среди которых произошел резкий рост числа христиан в последние десятилетия. С этнической и демографической точек зрения христианство в регионе распределено очень неравномерно. За исключением Японии и Кореи, которые в этническом отношении однородны, в каждом из государств Юго-Восточной Азии проживает множество различных этнических групп, и позиции христианства в этих группах различаются. Так, в Малайзии и Сингапуре христианские общины представлены среди китайцев и индийцев, но слабо — среди малайцев; в Китае они

¹¹ See: Phan T. Study on current public opinion in Vietnam based on universally value system and core values approach // Open Journal of Social Sciences. 2015. № 3. P. 115.

быстро росли среди ханьцев; на Филиппинах наблюдается незначительный рост числа христиан среди населения на юге; в Бирме большинство карин и чин являются христианами¹².

Одна из задач эффективной миссионерской деятельности состоит в том, чтобы не отстать от темпов современного общественного развития. Необходимым условием организации православной миссии в высокотехнологичных обществах Юго-Восточной Азии является использование ресурсов Интернета для евангелизации молодежи.

Существенной проблемой для миссии в регионе являются барьеры, разделяющие различные этнические группы. Однако преодоление этих барьеров зачастую бывает осложнено существенными мировоззренческими различиями этнических групп. Конечно, в мире, где этническое разделение и фрагментация усиливаются, Церковь должна рассматриваться как институт, преодолевающий эти барьеры, а не укрепляющий их.

Одним из прогнозируемых препятствий на пути организации миссионерской деятельности являются также административные (политико-правовые) барьеры. Некоторые страны Юго-Восточной Азии усиливают правительственные ограничения в отношении религиозных общин. В ряде случаев эти ужесточения не только влияют на свободу вероисповедания, но и препятствуют развитию межрелигиозных контактов. Несмотря на политические различия между странами с жесткими ограничениями (такими как Малайзия и Мьянма) и относительно свободными странами (такими как Филиппины и Сингапур), религиозные меньшинства, как правило, имеют весьма небольшое пространство для исповедования и отправления религиозных обрядов.

Многие ограничения обоснованы стремлением воспрепятствовать обращению населения в другие вероисповедания и рассматриваются как часть мер по поддержанию безопасности, общественного порядка и морали. Более половины стран Юго-Восточной Азии закрыты для миссионеров или поддерживают запреты и ограничения в отношении прямой евангелизации. В особом положении находится население Индонезии и Сингапура, правовые системы которых разрешают

¹² See: Stuart-Fox M. Laos: From Buddhist kingdom to Marxist state // Buddhism and politics in twentieth-century Asia. L., 2010. P. 151.

миссионерам въезжать для выполнения ограниченных функций, таких как преподавание богословия, но не для миссионерства как такового. Такие страны, как Китай и Вьетнам, вообще не приветствуют миссионеров. Неоднократно поступали сообщения о пасторах и верующих, которых заключали под стражу или подвергали штрафам в этих странах, а также в Лаосе. Подобные тенденции наблюдаются и в политике восточноазиатских коммунистических стран. Там существует определенная свобода вероисповедания в контролируемых государством религиозных организациях, но религиозное самовыражение за пределами этих организаций часто безжалостно подавляется.

Открытая и достаточно жесткая конкуренция с множеством традиционных религий региона также может быть рассмотрена в качестве препятствия на пути организации миссионерской деятельности. Существенным препятствием на пути организации миссии в Юго-Восточной Азии является и языковой барьер. Дефицит, а подчас и полное отсутствие православной литературы на национальных языках трудновосполнимы. Отчасти это может быть компенсировано англоязычными текстами, но требование знания английского языка ограничивает социальный потенциал православной миссии наиболее образованными слоями общества. Впрочем, модернизация и глобализация создали огромный спрос на английский язык: от Монголии, где он теперь преподается в школах вместо русского, до Японии, где относительно недавно предлагалось сделать английский вторым языком. Было даже высказано предположение, что в течение этого столетия английский язык в некоторых странах Юго-Восточной Азии может заменить национальные языки. При этом модернизация представляет собой не единичный шаг, а продолжающийся процесс, и разные азиатские общества находятся в разных точках этого континуума. Даже в рамках одного азиатского общества разные его сектора могут находиться на весьма различных стадиях модернизации.

Опыт протестантского миссионерства в странах Юго-Восточной Азии выявил ряд проблем, которые снижают эффективность проповеди среди местного населения. В первую очередь это касается номинального христианства местных жителей, а также синкретизма их мировоззрения. Многие из тех, кого можно было бы назвать христианами, продолжают придерживаться дохристианских обычаев и традиций, несовместимых с христианской верой.

Таким образом, христиане в Восточной и Юго-Восточной Азии по-прежнему составляют незначительное меньшинство среди огромного населения региона. Христианские организации на данной территории сталкиваются с особенно сложными социальными и политическими условиями, в которых некоторые из них подвергаются угнетению со стороны правительств, социальному давлению и даже преследованиям. Однако поскольку регион в целом становится все более успешным в экономическом плане, возможно, самой большой проблемой для миссионерства в Юго-Восточной Азии в перспективе являются не репрессивные системы, а безразличие к религии из-за погони за материальным благополучием. Наличие целого ряда специфических особенностей политического и культурного развития государств региона Юго-Восточной Азии, по всей видимости, может стать серьезным барьером на пути миссионерской активности в регионе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Православие в Юго-Восточной Азии // Официальный сайт Патриаршего Экзархата Юго-Восточной Азии. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.exarchate.asia/patriarshij-ekzarhat/istoriya-ekzarhata/> (дата обращения: 30.01.2023). Загл. с экрана. Яз. рус.
2. Chupungco A. J. The Filipino Catholics and their life of worship and prayer. Popular religiosity among Filipino Catholics // *Docete*. 2004. № 26. pp. 20–33.
3. Cornelio J. S. Popular religion and the turn to everyday authenticity reflections on the contemporary study of Philippine // *Catholicism. Philippine Studies: Historical and Ethnographic Viewpoints*. 2014. № 62. pp. 471–500.
4. Flaherty R. P. Korean millennial movements // *The Oxford handbook of millennialism* / ed. by: C. Wessinger. Oxford: Oxford University Press, 2011. pp. 305–336.
5. Le V. H. Reconciling traditional collective identity for improving the quality of learning in Vietnamese higher education // *International Journal of Research In Social Sciences*. 2014. Vol. 4. № 8. pp. 42–47.
6. Nagata J. Ethnonationalism versus Religious Transnationalism: Nation-Building and Islam in Malaysia // *The Muslim World*. 1997. Vol. 87. Iss. 2. pp. 129–150.
7. Neo J. L. Malay Nationalism, Islamic Supremacy and the Constitutional Bargain in the Multi-Ethnic Composition of Malaysia //

- International Journal on Minority and Group Rights. 2006. № 13 (1). pp. 95–118.
8. Phan T. Study on current public opinion in Vietnam based on universally value system and core values approach // Open Journal of Social Sciences. 2015. № 3. pp. 113–119.
 9. Sadan M. Religion, Identity and separatism // Burma / Myanmar: Where Now? / ed. by: M. Gravers, F. Ytsen. Copenhagen: NIAS Press, 2014. pp. 50–61.
 10. Stuart-Fox M. Laos: From Buddhist kingdom to Marxist state // Buddhism and politics in twentieth-century Asia / ed. by: I. C. Harris. L.: Continuum International, 2010. pp. 150–161.
 11. Van V.H. From the Belief of the Immortality of the Soul. The Blessing or the Harassing of the Soul towards People to the Worship of the Souls of Vietnamese People // Asian Social Science. 2020. № 16 (3). pp. 10–18.

*Статья поступила в редакцию 4.02.2023,
одобрена после рецензирования 10.05.2023,
принята к публикации 18.07.2023.*

Article

UDC 27(59)

For citation:

Semenenko D. Sovremennoye sostoyaniye khristianstva v Yugo-Vostochnoy Azii: problemy i perspektivy missiionerskoy deyatel'nosti [The current state of Christianity in Southeast Asia: problems and prospects of missionary activity] // Trudy Saratovskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii. [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary]. 2023. No 3 (22). pp. 61–79.
DOI: 10.56621/27825884_2023_22_61

Dmitry Semenenko,

postgraduate student,

Ss Cyril and Methodius Institute of Post-Graduate Studies,

4/2 Pyatnitskaya str., bld. 1, Moscow, 115035,

Russian Federation

semenenkods@yandex.ru

The current state of Christianity in Southeast Asia: problems and prospects of missionary activity

D. SEMENENKO

Abstract: This article is devoted to the study of the position of Christianity in Southeast Asia. The text analyzes the historical, social, geopolitical, economic, ethnic, cultural and other aspects of the region under study. The history of the Christianization of the

region within the framework of the main branches of Christianity is briefly reproduced. The role of the missionary efforts of the Russian Orthodox Church in this region is noted. The phenomenon of the formation of mega-churches in the region is touched upon. The main research attention is focused on the current position of Christianity in Southeast Asia. Considerable attention is paid to the so-called "Islamic revival" in the region, as well as to the peculiarities of the interaction of Christianity with Islam and Buddhism. The main problems and contradictions that impede the Christianization of the region are analyzed.

Keywords: Southeast Asia, Indonesia, Philippines, Thailand, South Korea, megachurch, Chinese Mission, Patriarchal Exarchate of Southeast Asia.

REFERENCES

1. Chupungco A.J. (2004) The Filipino Catholics and their life of worship and prayer. Popular religiosity among Filipino Catholics. In: Docete. No 26. pp. 20–33. (in English).
2. Cornelio J.S. (2014) Popular religion and the turn to everyday authenticity reflections on the contemporary study of Philippine. In: Catholicism. Philippine Studies: Historical and Ethnographic Viewpoints. No 62. pp. 471–500. (in English).
3. Flaherty R.P. (2011) Korean millennial movements. In: The Oxford handbook of millennialism. Oxford, pp. 305–336. (in English).
4. Le V.H. (2014) Reconizing traditional collective identity for improving the quality of learning in Vietnamese higher education. In: International Journal of Research In Social Sciences. Vol. 4. No. 8. pp. 42–47. (in English).
5. Nagata J. (1997) Ethnonationalism versus Religious Transnationalism: Nation-Building and Islam in Malaysia. In: The Muslim World. Vol. 87. Issue 2. pp. 129–150. (in English).
6. Neo J.L. (2006) Malay Nationalism, Islamic Supremacy and the Constitutional Bargain in the Multi-Ethnic Composition of Malaysia. In: International Journal on Minority and Group Rights. No 13 (1). pp. 95–118. (in English).
7. Phan T. (2015) Study on current public opinion in Vietnam based on universally value system and core values approach. In: Open Journal of Social Sciences. No 3. pp. 113–119. (in English).
8. Sadan M. (2014) Religion. Identity and separatism. In: Burma. Copenhagen, pp. 50–61. (in English).

9. Stuart-Fox M. (2010) Laos: From Buddhist kingdom to Marxist state. In: Buddhism and politics in twentieth-century Asia. London, pp. 150–161. (in English).
10. Van V.H. (2020) From the Belief of the Immortality of the Soul. The Blessing or the Harassing of the Soul towards People to the Worship of the Souls of Vietnamese People. In: Asian Social Science. No 16 (3). pp. 10–18. (in English).

*The article was submitted 4.02.2023,
approved after reviewing 10.05.2023,
accepted for publication 18.07.2023.*